

священномученик Серафим (Чичагов)

День памяти: 28 ноября (11 декабря)

Святитель Серафим (в миру Чичагов Леонид Михайлович) происходил из известного аристократического рода, прославившегося в Русской истории выдающимися деятелями, в том числе военными, среди которых было два адмирала. Леонид появился на свет 9 января 1856 года, в городе Санкт-Петербурге.

Его отец, Михаил Никифорович, был полковником артиллерии, и по понятным соображениям желал сыну аналогичной карьеры. Между тем, когда Леониду было всего десять лет, отец умер, и все обязанности по содержанию и воспитанию сына (и трех его братьев) взяла на себя мать, Мария Николаевна.

Через какое-то время, движимая желанием у устройства военной карьеры для своих сыновей, она определила Леонида и двух его братьев в Пажеский корпус – известное в то время в России военно-воспитательное заведение. За год до окончания обучения в Пажеском Корпусе Леонид получил звание камер-пажа, а окончив его в возрасте 18 лет, поступил в Артиллерийскую академию, после чего отправился на военную службу.

В 1877 году он оказался на Балканах, где участвовал в кровопролитных русско-турецких боях – на Шипкинском перевале, а также во взятии Телеша и Плевны. Мужество и героизм, проявленные Леонидом на войне, были отмечены боевыми наградами. Промысл Божий уберёг его от возможной смерти.

По возвращении с фронта в мирный Петербург он находился под столь сильным впечатлением от пережитого на войне, что написал по этому поводу несколько книг: о героизме русских солдат, о смысле жизни, о смерти. Кроме того, глубоко тронутый виденными им страданиями раненных бойцов, он приступил к изучению медицины, результатом чего явилось двухтомное сочинение «Медицинские беседы».

В 1878 году Л. М. Чичагов имел встречу со святым Праведным Иоанном Кронштадтским, великим светильником Русской земли. Тот разрешил ряд волновавших его жизненных вопросов и с тех пор стал ему духовным наставником.

8 апреля 1879 года, Леонид, будучи в возрасте 23 лет, связал себя брачными узами с Наталией Николаевной Дохтуровой, дочерью камергера. Как и положено православному, Леонид старался выстраивать отношения в семье на основах христианской морали и нравственности, эту же нравственность он стремился привить четырем своим дочерям.

В возрасте тридцати четырех лет, неожиданно для окружающих, он решил оставить воинскую службу и озвучил твёрдое желание посвятить свою дальнейшую жизнь служению Богу, став Православным священником. Эта новость ошеломила родных, не встретила сочувствия в семье. Даже горячо любимая супруга Леонида Михайловича воспротивилась воле мужа. Ей, светской даме, давно уже привыкшей к укладу аристократической жизни, весьма трудно было представить себя в роли какой-то попадьи. Тем более, что отношение аристократии к духовенству нередко выражалось даже и в пренебрежении.

Однако Леонид нашёл верное решение: он обратился за помощью к протоиерею Иоанну Кронштадтскому, который, собственно, и благословил его на подвиг священнического служения. Тогда праведный пастырь лично встретился с Наталией Николаевной и найдя подходящие к её сердцу слова убедил не противиться Промыслу Божию и принять выбор мужа. Наконец, она дала своё согласие.

15 апреля 1890 года Леонид Чичагов был отправлен в отставку, после чего вместе с семьёй перебрался в Москву. В доме на Остроженке, 37, где когда-то жил И. Тургенев, они прожили три года. В это время Леонид занимался серьёзным изучением богословских наук. В 1893 году, 26 февраля, он был рукоположен во диакона, а уже через два дня, 28 февраля, — в сан священника.

Первый год пастырского служения отца Леонида совпал с тяжелой болезнью супруги, в результате которой матушка Наталия умерла. Шёл 1895 год. Отец Леонид перевез её тело в Дивеево, и оно было предано земле на монастырском кладбище.

Через три года, после того как батюшка овдовел, он принял монашество. Тогда же он получил новое имя Серафим, в честь своего покровителя, великого святого земли Русской, Серафима Саровского. К этому времени его дочери повзросли, старшей было уже 18 лет.

В 1898 году отец Серафим был определен для служения в Свято-Троицкую Лавру в Сергиевом Посаде. Надо сказать, что его отношения с братиями обители складывались не лучшим образом. Недавний аристократ, представитель высшего общества, да к тому же не имевший серьёзного монашеского опыта, вызывал у насельников, многие из которых имели простонародное происхождение, недоверие и казался им юродствующим барином.

Через год, стараниями близких друзей, удалось выхлопотать новое назначение. В результате отец Серафим перешёл в Сузdalскую Спасо-Евфимиеву обитель. 14 августа 1899 года указом Святейшего Синода он был назначен её настоятелем, с последующим посвящением в сан архимандрита.

Здесь, помимо исполнения общих монастырских послушаний, по поручению начальства он занимался подготовкой документов, необходимых для канонизации Серафима Саровского, а в 1903 году ему предоставили право разработки церемониала грядущей канонизации с участием августейшей семьи. Надо сказать, что он справился с этой задачей безукоризненно: торжественная церемония прошла без сбоев и происшествий.

14 февраля 1904 года отец Серафим получил назначение на должность настоятеля Воскресенской Ново-Иерусалимской обители. А в апреле 1904 года он был рукоположен во епископа Сухумского.

Шли годы, надвигалось время страшных социальных потрясений, нравственных испытаний и катастроф: приближались революции 1917 года — Февральская и за нею — Октябрьская. В этот период святитель Серафим служил, волей Божьей, последовательно в четырех епархиях, а именно: в Сухуми, Орле, Кишиневе, Твери.

Осуществляя архицерковское служение и стремясь исполнять его с надлежащей ответственностью, отец Серафим открывал приюты, больницы, приходские советы. Одним из важнейших направлений его деятельности была борьба с заблуждениями, ересью, сектантством.

Вместе с тем, как отмечают историки, ему не удалось избежать некоторых острых ошибок. Так, будучи в Кишиневе, отец Серафим, увлекшись жаром политических волнений, проникся идеями сторонников «Союза русского народа» и влился в число его

вдохновителей. Между тем это движение, вместо способствования укреплению Российской монархии, дискредитировало её.

Ни Февральская, ни Октябрьская революции не нашли сочувствия в сердце архиерея. Вскоре усилиями враждебно настроенных по отношению к нему представителей духовенства, при посредстве большевистских властей он был изгнан из Тверской губернии.

Стремясь отгородить святителя от вероятной расправы, Святейший Патриарх Тихон провёл на заседании Святейшего Синода решение о его назначении на кафедру Варшавскую и Привисленскую. Однако разгоревшаяся гражданская, а затем и советско-польская война отрезали путь в Польшу фронтами и сделали отъезд святителя к месту его назначения технически невозможным. Он остался в Москве. Здесь его навещали и ободряли родные и близкие.

В 1921 году святитель Серафим был подвергнут аресту и заточен в Таганскую тюрьму, которую покинул лишь в 1922 году. Затем ему опять предъявили обвинение в преступлениях против Советской Власти и приговорили к ссылке в Архангельскую область, где он провел около года.

По возвращении из ссылки архипастырь остановился в Москве. Через непродолжительное время, в апреле 1924 года, его вновь арестовали,

обвинив в организации торжеств в честь прославления Серафима Саровского в 1903 году.

Стараниями Патриарха Тихона святитель Серафим был освобожден из-под стражи, но в Москве он оставаться не мог. После того как ему отказали в возможности поселиться в Серафимо-Дивеевском монастыре, он, раздосадованный, уехал в деревню Шуи, где его приняли с радушием в Воскресенский Феодоровский монастырь.

В 1927 году святитель Серафим, сердечно простившись с подвижницами, отправился на новое служение: митрополит Сергий, выступивший с нашумевшей тогда декларацией, частично поддержавшей государственную власть, была необходима помощь соратников. Весной 1928 года, страдалец, уже как митрополит Ленинградский и Гдовский, вернулся в родной ему город.

Достойно признания, что поддерживая митрополита Сергия, он не поддерживал его слепо и всецело, равно как не поддерживал и государственную политику, направленную против Бога и Его Церкви.

Нужно отметить, что святитель Серафим раздражал светские власти не только своим ревностным отношением к Православному богослужению, но и к широкой проповеди, что тогда признавалось за антисоветскую пропаганду. 1932 год ознаменовался массовым арестом священнослужителей, в том числе монашествующих. На фоне общего негативного отношения власти к священству возрастала угроза и в отношении владыки Серафима. К этому времени здоровье его пошатнулось. Все перечисленные факторы вкупе послужили причиной увольнения святителя на покой. Это случилось в октябре 1933 года.

Наступил кровавый 1937-й год. В сентябре владыку арестовали в очередной и последний раз. Не пощадили даже его старость — ему было 82 года. Ввиду того, что арестованный не мог самостоятельно ходить, его вынесли на носилках, а затем, на машине скорой помощи, перевезли в Таганскую тюрьму. 11 декабря, по приговору тройки НКВД, его расстреляли на печально прославившемся Бутовском полигоне.

Утверждают, что день смерти святителя Серафима был предсказан ему святым праведным Иоанном Кронштадтским, в словах: «Помни день трех святителей». Каждый раз в этот день святой Серафим готовился к смерти. Сообщается, что владыка встретил её не только как истинный воин Христов, мученик за веру, но и как подлинный офицер: не преклонив перед палачами главы, не замарав чести христианской и архипастырского достоинства.

Тропарь священномученику Серафиму, глас 5

Воинство Царя Небеснаго / паче земнаго возлюбив, / служитель пламенный Святыя Троицы явился еси, / наставления Кронштадтскаго пастыря в сердце своем слагая, / данная ти от Бога многообразная дарования / к пользе народа Божия приумножил еси, / учитель благочестия / и поборник единства церковнаго быв, / пострадати даже до крове сподобился еси, / священномучениче Серафиме, / моли Христа Бога // спастися душам нашим.

Кондак священномученику Серафиму, глас 6

Саровскому чудотворцу тезоименит быв, / теплую любовь к нему имел еси, / писаными твоими подвиги и чудеса того миру возвестив, / верныя к его прославлению подвигл еси / и благодарственаго посещения / самаго преподобнаго сподобился еси. / С нимже ныне, священномучениче Серафиме, / в Небесных чертозех водворяся, / моли Христа Бога // серафимских радости нам причастником быти.

Иное Житие.

Дни памяти

11 декабря

27 июня – Собор Дивеевских святых

3 сентября – Собор Московских святых

13 мая – Собор новомучеников, в Бутове пострадавших

25 июня – Собор Санкт-Петербургских святых

14 октября – Собор Молдавских святых

18 ноября – Память Отцов Поместного Собора Церкви Русской 1917–1918 гг.

Житие

Митрополит Серафим (в миру Леонид Михайлович Чичагов) родился 9 июня 1856 года; он правнук знаменитого адмирала В.Я. Чичагова, одного из первых исследователей Ледовитого океана, и внук П.В. Чичагова^[1].

Леонид получил образование сначала в Первой Санкт-Петербургской классической гимназии, а затем в Пажеском корпусе, по окончании которого был зачислен в Преображенский полк. В тридцать семь лет он получил звание полковника. К этому времени уже были напечатаны его литературно-исторические труды: «Дневник пребывания Царя-Освободителя в Дунайской армии в 1877 г.», «Французская артиллерия в 1882 г.», «Записки о П.В. Чичагове».

В 1879 году Леонид Михайлович женился на Наталье Николаевне Дохтуровой, внучатой племяннице генерала Д.С. Дохтурова, героя Отечественной войны 1812 года. Военная карьера не удовлетворяла Леонида Михайловича. С раннего детства он отличался глубокой религиозностью. Потеряв родителей, он, по его словам, привык искать утешение в религии. Полковник гвардейского Преображенского полка стал старостой Преображенского собора на Литейном проспекте и жертвовал немалые средства на храм.

Чувство милосердия, желание помогать страждущим привели Леонида Михайловича к изучению медицинских наук, и впоследствии он написал книгу «Медицинские беседы».

В 1893 году Леонид Михайлович объявил о своем желании оставить военную службу и, к великому удивлению близких, вышел в отставку в чине полковника армии, решив избрать иной жизненный путь – священство.

Жена его тяжело переживала это решение. Отец Иоанн Кронштадтский, духовным сыном которого был Леонид Михайлович, сказал ей:

– Ваш муж должен стать священником, и вы не должны препятствовать избранному вашим мужем пути, так как на этом поприще он достигнет больших высот.

Выйдя в отставку, Леонид Михайлович переехал с семьей в Москву и приступил к изучению богословских наук, готовясь к рукоположению. 28 февраля 1893 года он был рукоположен в кремлевском Успенском соборе в сан священника и приписан к кремлевской синодальной церкви Двунадесяти апостолов.

Через два года о. Леонид был определен священником для духовного окормления военнослужащих артиллерийского ведомства Московского военного округа.

Он со свойственной ему энергией частью на свои средства, частью на пожертвования отреставрировал храм – во имя святителя Николая на Старом Ваганькове, принадлежавший Румянцевскому музею и в течение тридцати лет стоявший закрытым, в котором и стал служить. В том же году неожиданно скончалась Наталья Николаевна, оставив четырех дочерей, из которых младшей было десять лет. Поручив воспитание дочерей двум доверенным лицам, о. Леонид в том же году поступил в Троице-Сергиеву Лавру и принял иночество. 14 августа 1898 года он был пострижен в мантию с именем Серафим.

После смерти настоятеля Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря архимандрита Досифея обер-прокурор Святейшего Синода Победоносцев назначил на этот пост иеромонаха Серафима. Вскоре он был возведен в сан архимандрита и назначен благочинным монастырей Владимирской епархии. Он нашел древнюю обитель разрушающейся, обновил ее на собранные им пожертвования и за пять лет своего управления привел в цветущее состояние. Особые усилия были предприняты им по благоустройству арестантского отделения Суздальской тюрьмы-крепости: он капитально отремонтировал здание и устроил библиотеку для узников. Такое отношение архимандрита Серафима к узникам сразу сказалось: девять закоренелых сектантов вернулись в православие, и это позволило ему ходатайствовать перед Святейшим Синодом об освобождении остальных. По его ходатайству тринадцать человек были выпущены на свободу, и тюрьма перестала существовать.

Став священником, о. Леонид занялся составлением «Летописи Серафимо-Дивеевского монастыря», которая явилась самым значительным трудом его жизни. О причине составления ее он сам впоследствии рассказывал следующее: «Когда после довольно долгой государственной службы я сделался священником в небольшой церкви за Румянцевским музеем, мне захотелось съездить в Саровскую пустынь, место подвигов преподобного Серафима, тогда еще не прославленного, и когда наступило лето, поехал туда. Саровская пустынь произвела на меня сильное впечатление. Я провел там несколько дней в молитве и посещал все места, где подвизался преподобный Серафим. Оттуда перебрался в Дивеевский монастырь, где мне очень понравилось и многое напоминало о преподобном Серафиме, так заботившемся о дивеевских сестрах. Игумения приняла меня очень приветливо, много со мной беседовала и, между прочим, сказала, что в монастыре живут три лица, которые помнят преподобного: две старицы-монахини и монахиня Пелагея (в миру Параскова, Паша)^[2]. Особенно хорошо помнит его Паша, пользовавшаяся любовью преподобного и бывшая с ним в постоянном общении. Я выразил желание ее навестить, чтобы услышать что-либо о преподобном из ее уст. Меня проводили к домику, где жила Паша. Едва я вошел к ней, как Паша, лежавшая в постели (она была очень старая и больная), воскликнула:

– Вот хорошо, что ты пришел, я тебя давно поджидаю: преподобный Серафим велел тебе передать, чтобы ты доложил Государю, что наступило время открытия его мощей и прославления.

Я ответил Паше, что по своему общественному положению не могу быть принятным Государем и передать ему в уста то, что она мне поручает. Меня сочтут за сумасшедшего, если я начну домогаться быть принятным Императором. Я не могу сделать то, о чем она меня просит.

На это Паша сказала:

– Я ничего не знаю, передала только то, что мне повелел преподобный.

В смущении я покинул келью старицы. После нее пошел к двум монахиням, помнившим преподобного. Они жили вместе и друг за другом ухаживали. Одна была слепая, а другая вся скрюченная и с трудом передвигалась по комнате: она заведовала прежде квасоварней и как-то, передвигая в погреб по ступенькам лестницы тяжелую бочку с квасом, полетела вниз, и вслед за ней бочка, ударившая ее по средним позвонкам спинного хребта всею своею тяжестью. Обе они были большие молитвенницы, слепая монахиня постоянно молилась за усопших, при этом души их являлись к ней, и она видела их духовными очами. Кое-что она могла сообщить и о преподобном.

Перед отъездом в Саров я был у о. Иоанна Кронштадтского, который, передавая

мне пять рублей, сказал:

– Вот прислали мне пять рублей и просят келейно молиться за самоубийцу: может быть, вы встретите какого-нибудь нуждающегося священника, который бы согласился молиться за несчастного.

Придя к монахиням, я прочитал перед слепой записочку, в которую вложил пять рублей, данных мне о. Иоанном. Помимо этого я назвал имя своей покойной матери и просил молиться за нее. В ответ услышал:

– Придите за ответом через три дня.

Когда я пришел в назначенное время, то получил ответ:

– Была у меня матушка ваша, она такая маленькая, маленькая, а с ней Ангелочек приходил.

Я вспомнил, что моя младшая сестра скончалась трех лет.

– А вот другой человек, за которого я молилась, тот такой громадный, но он меня боится, все убегает. Ой, смотрите, не самоубийца ли он?

Мне пришлось сознаться, что он действительно самоубийца, и рассказать про беседу с о. Иоанном.

Вскоре я уехал из Дивеевского монастыря и, возвращаясь в Москву, невольно обдумывал слова Паши. В Москве они опять пришли мне в голову, и вдруг однажды меня пронзила мысль, что ведь можно записать все, что рассказывали о преподобном Серафиме помнившие его монахини, разыскать других лиц из современников преподобного и расспросить их о нем, ознакомиться с архивами Саровской пустыни и Дивеевского монастыря и заимствовать оттуда все, что относится к жизни преподобного и последующего после его кончины периода. Привести весь этот материал в систему и хронологический порядок, затем этот труд, основанный не только на воспоминаниях, но и на фактических данных и документах, дающих полную картину жизни и подвигов преподобного Серафима и значение его для религиозной жизни народа, напечатать и поднести Императору, чем и будет исполнена воля преподобного, переданная мне в категоричной форме Пашией. Такое решение еще подкреплялось тем соображением, что царская семья, собираясь за вечерним чаем, читала вслух книги богословского содержания, и я надеялся, что и моя книга будет прочитана.

Таким образом зародилась мысль о «Летописи».

Для приведения ее в исполнение я вскоре взял отпуск и снова отправился в Дивеево. Там мне был предоставлен архив монастыря, так же, как и в Саровской пустыни. Но прежде всего я отправился к Паши и стал расспрашивать ее обо всех известных эпизодах жизни преподобного, тщательно записывал все, что она передавала мне, а потом ей записи прочитывал. Она находила все записанное правильным и, наконец, сказала:

– Все, что помню о преподобном, тебе рассказала, и хорошо ты и верно записал, однако нехорошо, что ты меня расхваливаешь.

В это время игумения Дивеевского монастыря отправилась в Нижний Новгород на ярмарку, чтобы закупить годовой запас рыбы для монастыря, а когда я в ее отсутствие пожелал навестить Пашу, то застал ее совершенно больной и страшно слабой. Я решил, что дни ее сочтены. Вот, думалось мне, исполнила волю преподобного и теперь умирает. Свое впечатление я поспешил передать матери казначею, но она ответила:

– Не беспокойтесь, батюшка, без благословения матушки игумении Паша не умрет. Через неделю игумения приехала с ярмарки, и я тотчас пошел сообщить о своих опасениях относительно Прасковии, уговаривая ее немедленно сходить к умираю-

щей, дабы проститься с ней и узнать ее последнюю волю, иначе будет поздно.

– Что вы, батюшка, что вы, – ответила она, – я только приехала, устала, не успела осмотреться; вот отдохну, приведу в порядок все, тогда пойду к Паше.

Через два дня мы пошли вместе к Паше. Она обрадовалась, увидев игумению. Они вспомнили старое, поплакали, обнялись и поцеловались. Наконец игумения встала и сказала:

– Ну, Паша, теперь благословляю тебя умереть.

Спустя три часа я уже служил по Параскеве первую панихиду. Возвратившись в Москву с собранным материалом о преподобном Серафиме, я немедленно приступил к своему труду. Вскоре я овдовел и принял монашество с именем Серафима, избрав его своим небесным покровителем. «Летопись» была издана в 1896 году и преподнесена Государю, что повлияло на решение вопроса о прославлении преподобного Серафима».

«Летопись» эта выдержала два издания – в 1896 и 1903 годах – и представляет собой подробное описание создания монастыря в Дивееве – четвертого удела Божией Матери на земле. Книга по собранному материалу в сравнении с известными трудами других авторов наиболее достоверно отражает все события, произшедшие со дня основания монастырей в Сарове и Дивееве, рассказывает о первоустроительнице, матушке Александре, содержит жизнеописание преподобного Серафима и близких ему людей.

В 1902 году архимандриту Серафиму было видение, о котором он впоследствии рассказал своему духовному сыну протоиерею Стефану Ляшевскому: «По окончании «Летописи» я сидел в своей комнатке в одном из дивеевских корпусов и радовался, что закончил наконец труднейший период созиания и написания о преподобном Серафиме. В этот момент в келию вошел преподобный Серафим и я увидел его как живого. У меня ни на минуту не мелькнуло мысли, что это видение – так все было просто и реально. Но каково же было мое удивление, когда батюшка Серафим поклонился мне в пояс и сказал:

– Спасибо тебе за летопись. Проси у меня все что хочешь за нее.

С этими словами он подошел ко мне вплотную и положил свою руку мне на плечо.

Я прижался к нему и говорю:

– Батюшка, дорогой, мне так радостно сейчас, что я ничего другого не хочу, как только всегда быть около вас.

Батюшка Серафим улыбнулся в знак согласия и стал невидим. Только тогда я сообразил, что это было видение. Радости моей не было конца».

Используя свои связи в придворных кругах, архимандрит Серафим сумел встретиться с императором Николаем II и склонил его в пользу открытия мощей.

По повелению императора в августе 1902 года было поручено произвести предварительное освидетельствование останков старца Серафима митрополиту Московскому Владимиру, епископам Тамбовскому Дмитрию и Нижегородскому Назарию вместе с сузdalским архимандритом Серафимом Чичаговым и прокурором Московской Синодальной конторы Ширинским-Шихматовым.

Освидетельствование останков преподобного показало, что нетленных мощей нет. При обсуждении этого вопроса в Синоде возникла смута. Практически весь Синод был против. Куда ехать? Зачем? Мощей нетленных нет, только кости. Ехать в глушь, в лес!

На открытии настаивал лишь сам государь, с ним единомысленны были только обер-прокурор Саблер и митрополит Антоний (Вадковский).

Однако император не оставил намерения канонизировать старца Серафима и всячески поддерживал благоговейную память о нем. В октябре 1902 года он прислал в дар Серафимо-Дивеевскому монастырю лампаду к находящейся в Троицком соборе иконе Божией Матери «Умиление», перед которой на молитве скончался отец Серафим. Лампаду, по повелению его величества, доставил в обитель архимандрит Серафим. В воскресенье, 20 октября, по совершении божественной литургии в соборном храме о. Серафим торжественно установил перед образом Богоматери лампаду и вожег ее к великой радости сестер.

11 января 1903 года к освидетельствованию останков старца Серафима приступила назначенная Синодом комиссия в составе десяти человек под руководством митрополита Московского Владимира. Членом этой комиссии был также и архимандрит Серафим. Результатом явился подробный акт освидетельствования, представленный на монашеское усмотрение. Государь, прочитав его, написал: «Прочел с чувством истинной радости и глубокого умиления».

Донесение комиссии и желание императора убедили Синод принять решение о канонизации преподобного Серафима Саровского.

Синод постановил: «Ввиду ожидаемого ко дню прославления и открытия святых мощей преподобного отца Серафима, Саровского чудотворца, стечения большого количества посетителей и богомольцев, признано необходимым принять меры к надлежащему устройству путей сообщения и потребных помещений... поручить архимандриту Сузdalского монастыря и прокурору Московской Синодальной конторы князю Ширинскому-Шихматову принять заведование всеми подготовительными мерами для устройства и приведения к благополучному окончанию многосложных дел, связанных с предстоящим торжеством прославления преподобного отца Серафима».

На этом не закончились труды о. Серафима, связанные с прославлением преподобного. Он написал краткое житие преподобного Серафима Саровского и краткую летопись Серафимо-Дивеевского монастыря.

Возвратясь после саровских торжеств в древний Сузdal, о. Серафим занялся подготовительными работами к предстоящему празднованию 500-летия со дня кончины преподобного Евфимия, Сузdalского чудотворца, и составил жизнеописание этого святого. Но отпраздновать в Суздале этот юбилей ему не пришлось. 14 февраля 1904

года он был назначен настоятелем Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря, где пробыл год, но за это время сумел отреставрировать величественный собор знаменитой обители.

28 апреля 1905 года в Успенском соборе Московского Кремля митрополитом Владимиrom (Богоявленским), епископом Трифоном (Туркестановым) и епископом Серафимом (Голубятниковым) архимандрит Серафим был хиротонисан во епископа Суздальского.

При хиротонии владыка так определил свой жизненный путь: «Многоразлично совершаются призывы Божий! Неисследимы пути Провидения Божия, предопределяющие пути человеку. Со мной вот уже в третий раз в продолжение последних двенадцати лет происходят перевороты, которые меняют весь строй моей жизни. Хотя я никогда не забывал молитвенно простирать руки к Богу в надежде на Его милосердие и всепрощение, но мог ли себе представить, что мой первоначальный светский путь, казавшийся естественным и вполне соответственным моему рождению и воспитанию, продолжавшийся так долго и с таким успехом, не тот, который мне предназначен Богом? И как я должен был убедиться в этом? Несомненно, путем испытаний и скорбей, ибо известно, что скорби – это лучшие провозвестники воли Божией, и от начала века они служили людям знамением избрания Божия. Испытав с восьмилетнего возраста сиротство, равнодушие людей, беспомощность и убедившись в необходимости проложить себе жизненный путь собственным трудом и многолетним учением, я по окончании образования, еще в молодости, прошел все ужасы военного времени, подвиги самоотвержения, но, сохраненный в живых дивным Промыслом Божиим, продолжал свой первоначальный путь, претерпевая многочисленные и разнообразные испытания, скорби и потрясения, которые окончились семейным несчастьем – вдовством. Перенеся столько скорбей, я вполне убедился, что этот мир, который так трудно перестать любить, делается через них нашим врагом и что мне предопределен в моей жизни особенный, тернистый путь... Тяжело испытывать пути Божии! Не потому, что требуется безусловная покорность, совершенное послушание и всецелая преданность в волю Божию, даруемые Самим Господом; тяжело потому, что, как говорит святитель Филарет, митрополит Московский, мир, побежденный верою, плененный в ее послушание, допущенный посему в область ее, непременно внес в нее свой собственный дух; таким образом, сей враг Христа и христианства очутился в пределах самого христианства, прикрывшись именем христианского мира, он действует свободно и учреждает себе мирское христианство, старается обратно переродить сынов веры в сынов мира, сынов мира не допустить до возрождения в истинную жизнь христианскую, а на непокорных ему вооружается ненавистью, лукавством, злословием, клеветами, презрением и всяким орудием неправды.

Поэтому жизнь людей, взятых из мира и поставленных на духовный путь, особенно многотрудная и многоскорбная. Подобное произошло и со мной. Иные опоясывали меня и вели туда, куда я не ожидал и не мечтал идти, и эти люди были, конечно, высокой духовной жизни. Когда по их святым молитвам во мне открылось сознание, что Сам Господь требует от меня такой перемены в пути ради Его Божественных целей, что это необходимо для всей моей будущей жизни, для предназначенных мне еще испытаний и скорбей, для моего сораспятия Христу, то несмотря ни на какие препятствия, поставленные мне миром, я исполнил святое послушание и сначала принял священство, а по вдовству – монашество. Долго я переносил осуждения за эти важные шаги в жизни и хранил в глубине своего скорбного сердца истинную причину их. Но наконец Сам Господь оправдал мое монашество в ближайшем моем

участии в прославлении великого чудотворца преподобного Серафима. Ныне, по всем благой воле Господа, я призываюсь на высокое служение Церкви Христовой в сане епископа».

Владыка, едва появившись в Грузии, столкнулся с положением грозным: революция 1905 года всколыхнула грузинский национализм; и епископ со всей присущей ему энергией принял бороться против смуты.

На Сухумской кафедре епископ Серафим прослужил недолго и в 1906 году был переведен в Орел. В Орловской епархии он пробыл до 1908 года. Это время владыка деятельно занимался устройством церковно-приходской жизни, организовал в епархии приходские советы с возложением на них обязанностей церковной благотворительности.

Впоследствии епископ Серафим на основании своего опыта в Орловской епархии составил «Обращение к духовенству епархии по вопросу о возрождении приходской жизни». В «Обращении» пункт за пунктом рассматривались все стороны приходской жизни, подробно объяснялось, что такое возрождение приходской жизни, цель его и что надо сделать для достижения желаемых результатов.

По мнению владыки Серафима, «необходимо вернуться к церковно-общественной жизни древнерусского прихода, чтобы приходская община занималась единодушно не только просвещением, благотворительностью, миссионерством, но и нравственностью своих сочленов, восстановлением прав старших над младшими, родителей над детьми, воспитанием и руководством молодого поколения, утверждением христианских и православных установлений.

Для возрождения пастырства и приходской жизни требуется прежде всего объединение пастырей с пасомыми. Этому могут способствовать пастырские собрания и съезды. Возрождение приходской жизни должно исходить от епископа. Если последний не объединится со своими помощниками-пастырями, то они не объединятся между собой и с прихожанами; если епископ не проникнется этой идеей возрождения прихода, не будет сам беседовать во время съезда епархии с пастырями, давать им самые подробные практические указания, не станет с полным самоутверждением переписываться с недоумевающими священниками, сыновне вопрошающими архиепастыря в своих затруднениях, не будет печатать в «Епархиальных ведомостях» свои наставления и указания, все то, что он хотел бы пояснить и ввести, то приходское оживление не произойдет и жизненное начало не проникнет в наши омертвельные общинны».

В 1907 году преосвященного Серафима назначили членом Синода; через год – епископом Кишиневским и Хотинским. В Кишиневе, как ранее в Орле, он занялся возрождением приходов, имея уже богатый опыт. Владыка обезжал епархию, беседовал со священнослужителями, иноками, мирянами и учащимися.

К этому времени относится история изгнания старца [Варсонофия \(Плиханкова\)](#) из Оптины пустыни и перевода его в Голутвин монастырь. По изложению И.М. Концевича, епископ Серафим принял в ней деятельное участие на стороне гонителей старца. По рассказу священника Василия Шустина, духовного сына о. Варсонофия, дело обстояло иначе: «Нашлись люди, которым мудрость батюшки (о. Варсонофия. – И. Д.) не давала жить, и враг не дремал. Поселился в скиту некто Митя Косноязычный из города Козельска. Был он пьяница и тайно развращал монахов. Батюшка не мог этого терпеть и выселил его из скита. Сейчас же против батюшки открыто ополчился целый легион... В Оптину приехала одна из женщин петербургского религиозно-политического кружка графини Игнатьевой и собрала против батюшки все обвинения, какие только можно было измыслить. Приезжавший в Оптину епи-

скоп Серафим (Чичагов) обелил батюшку, но дело его отзыва из Оптиной уже было где-то решено. Отец Варсонофий должен был покинуть скит...»^[3]

В Кишиневе владыка Серафим прослужил до 1912 года, когда был назначен архиепископом Тверским и Кашинским.

Революция 1917 года застала архиепископа Серафима в Санкт-Петербурге; вернувшись в Тверь, он узнал, что епархиальный съезд проголосовал за удаление его из епархии и Синод, руководимый обер-прокурором Львовым, отправил его на покой. Архиепископ Серафим был избран членом Поместного Собора 1917/18 годов. После Собора он был возведен в сан митрополита с назначением в Варшаву, но из-за сложившейся политической обстановки не смог отправиться к месту назначения, поселился в Москве и служил в различных храмах.

Во время Первой мировой войны из Польши было эвакуировано в Россию почти все православное духовенство. После заключения Брестского мира возник вопрос о возвращении в Польшу духовенства и имущества Православной Церкви. Митрополит Серафим подал заявление в Совет Народных Комиссаров с просьбой разрешить ему вместе с духовенством выехать в Польшу, но получил отказ. Вскоре началась гражданская война, и все хлопоты по переезду в Польшу пришлось отложить. Владыка поселился в Черниговском скиту около Троице-Сергиевой Лавры, где прожил, почти не выезжая, до конца 1920 года. В январе 1921 года он получил предписание Синода о необходимости ускорить возвращение в Варшаву православного духовенства и церковного имущества. До него доходили слухи о бедственном положении православного населения Польши, которое за время войны почти лишилось храмов и духовенства. Митрополит обратился к управляющему делами Совнаркома Горбунову и в Народный Комиссариат иностранных дел с просьбой выяснить вопрос об отправке в Польшу. И получил ответ, что дело может быть рассмотрено по прибытии в Москву официального польского представительства. Весной 1921 года в Москву прибыли представители Польши; владыка посетил их и объяснил необходимость возвращения в Польшу духовенства. Тотчас после посещения поляков у него был произведен обыск и изъято два письма: одно – главе католической церкви в Польше кардиналу Каповскому, другое – протоиерею Врублевскому, представлявшему в Варшаве интересы православного духовенства. 11 мая 1921 года владыка был вызван на допрос в ЧК к некоему Шпицбергу для объяснений относительно писем.

После ухода митрополита Шпицберг составил заключение, что никоим образом нельзя отпускать Чичагова в Польшу, где он будет действовать «как эмиссар российского патриарха» и «координировать – против русских трудящихся масс за границей фронт низверженных российских помещиков и капиталистов под флагом «дружины друзей Иисуса». Шпицберг потребовал заключить митрополита Серафима в Архангельский концлагерь. С этим согласились начальник 7-го отдела СО ВЧК Самсонов и его заместитель Агранов. В то же время секретный сотрудник ЧК донес, что владыка агитирует против изъятия церковных ценностей. 24 июня 1921 года состоялось заседание судебной Тройки ВЧК в составе Самсонова, Апетера и Фельдмана, которые постановили: «Заключить гражданина Чичагова в Архангельский концлагерь сроком на два года», но не отдали распоряжение о его аресте и этапировании. И владыка продолжал жить на воле и служить в храмах Москвы, между тем как срок заключения уже начал отсчет; митрополита арестовали только 12 сентября 1921 года и поместили в Таганскую тюрьму.

Сразу же после его ареста Наталья и Екатерина Чичаговы стали хлопотать перед Калининым о смягчении участи отца. Они просили, чтобы власти освободили его или хотя бы оставили в заключении в Москве, учитывая возраст и болезни. Калинин написал, что можно оставить в московской тюрьме «приблизительно на полгодика». 13 января начальником 6-го секретного отделения ВЧК Рутковским по распоряжению ВЦИК было составлено заключение по «делу» митрополита: «С упрочением положения революционной совласти в условиях настоящего времени гр. Чичагов бессилен предпринять что-либо ощутительно враждебное против РСФСР. К тому же, принимая во внимание его старческий возраст 65 лет, полагаю, постановление о высылке на 2 года применить условно, освободив гр. Чичагова Л.М. из-под стражи». 14 января 1922 года президиум ВЧК постановил освободить митрополита из-под стражи; 16 января он вышел на свободу. Всю зиму владыка тяжело болел. Однако ГПУ вовсе не собиралось отпускать его на волю – и здесь не имели значения ни возраст, ни болезни святителя, а только цели самого учреждения. Его преследовали и ссылали не из-за противоправных поступков, а стремясь нанести Церкви как можно больший урон. 22 апреля 1922 года Рутковский дал новое заключение по «делу» митрополита: «Принимая во внимание, что Белавиным, совместно с Синодом, по-прежнему ведется реакционная политика против советской власти и что при наличии в Синоде известного реакционера Чичагова лояльное к власти духовенство^[4] не осмеливается открыто проявлять свою лояльность из-за боязни репрессий со стороны Чичагова, а также и то, что главная причина последовавшего освобождения Чичагова от наказания его, якобы острое болезненное состояние, не находит себе оправдания после его освобождения и никак не мешает Чичагову заниматься делами управления духовенства, полагаю... Чичагова Леонида Михайлови-

ча... задержать и отправить этапным порядком в распоряжение Архангельского губ-
отдела для вселения на местожительство, как административного ссыльного сро-
ком по 24 июня 1923 г.»

25 апреля судебная коллегия ГПУ под председательством Уншлихта приговорила митрополита Серафима к ссылке в Архангельскую область.

В мае 1922 года владыка прибыл в Архангельск в самый разгар арестов и судебных процессов по делам об изъятии церковных ценностей. И сразу же ГПУ вознамери-
лось его допросить, чтобы узнать его мнение о мероприятиях, касающихся изъятия церковных ценностей. Митрополит был болен, явиться в ГПУ не мог и изложил свое суждение письменно. «Живя в стороне от церковного управления и его распо-
ряжений, – писал он, – я только издали наблюдал за событиями и не участвовал в вопросе об изъятии ценностей из храмов для помощи голодающему населению. Все написанное в современной печати по обвинению епископов и духовенства в несо-
чувствии к пожертвованию церковных ценностей на народные нужды преисполня-
ло мое сердце жестокой обидой и болью, ибо многолетний служебный опыт мой, близкое знакомство с духовенством и народом свидетельствовали мне, что в право-
славной России не может быть верующего христианина, и тем более епископа или священника, дорожащего мертвыми ценностями, церковными украшениями, метал-
лом и камнями более, чем живыми братьями и сестрами, страдающими от голода,
умирающими от истощения и болезней... Чувствовалось, что по чьей-то вине про-
изошло роковое недоразумение...»

В Архангельске митрополит прожил до конца апреля 1923 года, а затем с разреше-
ния ВЦИК переехал в Москву; ни в каких церковных делах участия не принимал, на службу ездил в Данилов монастырь к своему духовнику архимандриту Георгию Лав-
рову и архиепископу [Феодору \(Поздеевскому\)](#), сам почти нигде не бывал и у себя мало кого принимал.

Многое в жизни семидесятилетнего старца было связано с преподобным Серафи-
мом Саровским. Даже теперь, двадцать лет спустя после канонизации преподобно-
го, ГПУ ставило ему в вину организацию торжеств: «16 апреля 1924 года гр. Чичагов Леонид Михайлович был арестован секретным отделом ОГПУ по имеющимся мате-
риалам: в 1903 году Чичагову было поручено руководство и организация открытия мощей Серафима Саровского...»

Арестованный митрополит давал объяснения следователю ГПУ Казанскому относи-
тельно своего участия в открытии мощей преподобного Серафима: «Я принимал непосредственное участие в открытии мощей Серафима Саровского по распоряже-
нию Синода, утвержденному Николаем; последний узнал о моей близости к Диве-
евскому монастырю от бывшей княгини Милицы Ивановны. Я знаю, что Серафим был особо чтимым угодником у Романовых. Приблизительно лет за 5 до открытия мощей Серафима я написал из разных источников «Летопись Серафимо-Дивеевско-
го монастыря».

Следствие интересовалось, нет ли в «Летописи» намеков на революционные собы-
тия, на современную смуту в государстве, в Церкви и в обществе в связи с рассказом о том, что выкопанную по благословению преподобного Серафима канавку анти-
христ не перейдет. Владыка отвечал: «Говоря о «канавках»... я подразумеваю распо-
ряжение Серафима о вырытии канав и предсказания его в связи с будущей истори-
ей Лавры, которая должна быть выстроена на этом окопанном месте, о судьбе этой Лавры и канавок в дни антихриста. Но никаких намеков на смуту в государстве, в Церкви, в обществе моя книга не содержит».

8 мая 1924 года патриарх Тихон подал в ОГПУ ходатайство об освобождении нахо-

дившегося в Бутырской тюрьме митрополита Серафима, престарелого и больного, за лояльное отношение которого к существующей гражданской власти он, патриарх Тихон, ручается.

Письмо было получено Тучковым на следующий день и оставлено без последствий, дело шло своим чередом. Наконец, 17 июля 1924 года уполномоченный ОГПУ Гудзь предложил освободить митрополита Серафима из-под стражи, и вскоре тот был освобожден. В это время власти приказали живущим в Москве архиереям покинуть город. Владыка хотел поселиться в Дивеевском монастыре, но игумения монастыря Александра (Траковская) ему в этом отказалась.

Митрополита Серафима приняла игумения Арсения (Добронравова) в Воскресенский-Феодоровский женский монастырь, находившийся около города Шуи Владимирской области^[5].

Владыка приехал с дочерью Натальей (в монашестве Серафима), которая была очень близка к отцу и много помогала ему в заключении и ссылке.

В монастыре митрополит часто служил, а в воскресные и праздничные дни всегда. После таких служб устраивался праздничный обед, на котором присутствовал и митрополит Серафим.

Прекрасный знаток пения и сам сочинитель духовной музыки, митрополит Серафим большое внимание уделял церковному хору, разучивая с монастырскими певчими песнопения и проводя спевки.

Блаженны годы, которые он прожил в монастыре. Редкостный мир царил среди сестер, любивших и почитавших свою игумению как первую подвижницу и самого смиренного в монастыре человека. И какое удовольствие было слушать митрополита, когда он читал вторую часть «Летописи Серафимо-Дивеевского монастыря», описывающую события, предшествовавшие канонизации преподобного Серафима. В «Летописи» была подробно описана та смута, которая произошла в Синоде, когда пришло время всецерковно прославить преподобного Серафима. До революции рукопись не была допущена к печати цензурой, а после революции прекратилось христианское книгопечатание. «Летопись» впоследствии была арестована на одном из обысков и пропала.

В 1928 году митрополит Серафим был назначен управляющим Санкт-Петербургской епархией. За два года, что он прожил в монастыре, все привыкли к владыке и полюбили его. Участие в богослужениях и сама жизнь много знающего митрополита, участника торжественной канонизации преподобного Серафима, воспоминания о встречах с людьми, знавшими преподобного, и чтение «Летописи» весьма украшали многоскорбную в настоящих условиях монастырскую жизнь. Проводы были трогательные и грустные. Монахини понимали, что расстаются с ним навсегда. Вместе с владыкой игумения Арсения отпустила монахинь Севастиану и Веру, которые помогали ему в монастыре и впоследствии помогали ему по хозяйству до самого его ареста.

В то время, когда другие архиереи колебались в признании каноничности власти митрополита Сергия (Страгородского), митрополит Серафим признал ее сразу. Человек порядка, привыкший мыслить в категориях строгой иерархии, он считал восстановление централизованной власти наиболее важным делом. По отношению к власти владыка придерживался принципа: «Закон суров, но это закон».

Свою первую литургию в Петербурге он совершил в Преображенском соборе на Литейном проспекте, где когда-то был старостой.

Резиденция митрополита была в Новодевичьем монастыре. В первую же неделю правления он собрал здесь священников города и, указав им, что «не их дело цер-

ковная политика и не им осуждать архиереев», начал отчитывать за те непорядки, которые успел подметить за литургией. Он категорически запретил проведение исповеди во время литургии, так же как и общую исповедь.

Владыка служил каждое воскресенье в одном из храмов города или пригорода. После службы он проповедовал. В кратких и сильных словах он разъяснял смысл Таинства, как сильна молитва после пресуществления Даров:

– Дух Святой, – говорил митрополит, — пресуществляет на престоле Дары, но Он сходит и на каждого из нас, обновляет наши души, умственные силы, всякая молитва, если она произносится от всего сердца, будет исполнена.

И когда митрополит после благословения Даров преклонял колени, припадая к престолу, все молящиеся падали ниц.

Особенную важность он видел в сохранении Таинств, как они заповеданы церковной традицией и святыми отцами. Священник [Валентин Свенцицкий](#) писал о владыке, что тот в своем докладе против общей исповеди, между прочим, говорил: «Никакой общей исповеди не существовало ни в древности, ни впоследствии, и нигде о ней не упоминается на протяжении всей истории Православной Церкви...

Установление общей исповеди является явной заменой новозаветного Таинства ветхозаветным обрядом».

По пятницам в Знаменской церкви у Московского вокзала, где был придел преподобного Серафима, митрополит читал акафист преподобному. Читал наизусть, а после акафиста беседовал с народом.

Особо почитал владыка Царицу Небесную и часто говорил о большой любви Божией Матери к земле Русской. «Эта любовь явилась в многочисленных иконах Божией Матери на Святой Руси. Но росли наши грехи и беззакония: Божия Матерь отступила от нас, и скрылись святые чудотворные иконы Царицы Небесной, и пока не будет знамения от святой чудотворной иконы Божией Матери, не поверю, что мы прощены. Но я верю, что такое время будет и мы до него доживем».

Всю жизнь митрополит боролся за чистоту православия. Святой праведный Иоанн Кронштадтский незадолго до своей смерти, благословляя его в последний раз, сказал:

– Я могу покойно умереть, зная, что ты и преосвященный Гермоген^[6] будете продолжать мое дело, будете бороться за православие, на что я вас и благословляю. Всю жизнь владыка занимался благотворительностью. Еще будучи военным, он обратил внимание на беспомощность лиц военного ведомства, расстроивших свое здоровье во время прохождения службы. Он учредил благотворительное общество помощи военным, которые были не в состоянии вследствие болезни служить и были вынуждены выходить в отставку до приобретения прав на пенсию.

Митрополит Серафим заботился о детях-сиротах, родители которых погибли на войне. Широкая бесплатная медицинская практика владыки была направлена на облегчение страданий страждущих. Во время русско-японской войны по его благословению формировались санитарные поезда, и он сам собирал пожертвования. Придавая огромное значение возрождению приходской жизни, владыка Серафим считал необходимым через приходские советы организовывать школы, библиотеки и столовые.

Сам отведав горечь уз и ссылки, он с любовью и благоговением хоронил умершего в тюрьме архиепископа [Илариона \(Троицкого\)](#). Тело его выдали родственникам в грубо сколоченном гробу. Когда гроб открыли, никто не узнал владыку, так изменили его внешность заключение и болезнь. Владыка Серафим принес свое белое облачение и белую митру. По облачении тело архиепископа положили в другой гроб.

Отпевание совершил сам митрополит Серафим в сослужении шести архиереев и множества духовенства.

У владыки Серафима было много духовных детей. Сохранилось его письмо из ссылки (Архангельск, 1922 год) духовному сыну Алексею Беляеву^[7]. Вот выдержка из него: «Все мы люди, и нельзя, чтобы житейское море не пенилось своими срамотами, грязь не всплыла бы наружу и этим не очищалась бы глубина целой стихии. Ты же будь только с Христом, единой Правдой, Истиной и Любовью, а с Ним все прекрасно, все понятно, все чисто и утешительно. Отойди умом и сердцем, помыслами от зла, которое властвует над безблагодатными, и заботься об одном – хранить в себе, по вере, божественную благодать, через которую вселяется в нас Христос и Его мир.

Не видеть этого зла нельзя; но ведь вполне возможно не допускать, чтобы оно отвлекало от Божией правды. Да, оно есть и ужасно по своим проявлениям, но как несчастны те, которые ему подчиняются. Ведь мы не отказываемся изучать истину и слушать умных людей, потому что существуют среди нас сумасшедшие в больнице и на свободе. Такие факты не отвращают от жизни; следовательно, с пути правды и добра не должно нас сбивать то, что временами злая сила проявляет свое земное могущество. Бог поругаем не бывает, а человек что посеет, то и пожнет.

Учись внутренней молитве, чтобы она была не замечена по твоей внешности и никого не смущала. Чем более мы заняты внутренней молитвой, тем полнее, разумнее и отраднее наша жизнь вообще. И время проходит незаметнее, быстрее. Для того особенно полезна Иисусова молитва и собственные короткие изречения «помоги мне, Господи» или «защити и укрепи», или «научи» и проч.

Молящийся внутренне, смотрит на все внешнее равнодушно, рассеянно, ибо эта молитва не умственная, а сердечная, отделяющая от поверхности земли и приближающая к невидимому Небу.

Учись прощать всем их недостатки и ошибки и ввиду подчинения их злой силе, и, несомненно, ненормального состояния духа. Говори себе:

«Помоги ему, Господи, ибо он духовно болен!» Такое сознание помешает осуждению, ибо судить может только тот, кто сам совершен и не ошибается, все знает, а главное, знает наверное, что человек действует не по обстоятельствам, сложившимся вокруг него, а по своему произволению, по своей страсти».

В Петербурге митрополит прослужил пять лет; 14 октября 1933 года указом Синода он был отправлен на покой. 24 октября он совершил свою последнюю службу в Спасо-Преображенском соборе и вечером выехал в Москву. Первое время владыка жил в резиденции митрополита Сергия (Страгородского), пока подыскивали жилище. В начале 1934 года он поселился в Малаховке, а затем переехал на станцию Удельная, где арендовал полдачи. Это были две небольшие комнаты и кухня. В одной комнате была устроена спальня владыки, с большим количеством книг, икон и рабочим письменным столом. Другая комната отведена под столовую-гостиную. Здесь стояли обеденный стол, фисгармония и диван; на стене висел большой образ Спасителя в белом хитоне^[8], написанный владыкой.

Спокойными и безмятежными были последние месяцы жизни митрополита в Удельной. Самое скорбное это были старость и связанные с нею болезни. Он сильно страдал от гипертонии, одышки, последнее время от водянки, так что передвигался с трудом и из дома почти не выходил. Днем к нему приходили духовные дети, иные приезжали из Петербурга; посещали владыку митрополиты Алексий (Симанский) и Арсений (Стадницкий), приезжая на заседания Синода. Вечерами, когда все расходились, митрополит садился за фисгармонию и долго-долго играл известную

духовную музыку или сочинял сам. И тогда мир и покой разливались повсюду. Благодатная жизнь подходила к концу. Ее оставалось немного. И что еще сделать, как еще при немощах и болезнях потрудиться Господу. И так хотелось единственного – быть рядом с преподобным, которому он послужил когда-то.

Но что же может вознести в те обители, где он обитает, всю жизнь распинавший в себе плоть с ее страстью и похотью? Только мученичество. Первохристианский венец.

Митрополита арестовали глубокой осенью 1937 года. Ему был восемьдесят один год, и несколько последних дней он чувствовал себя совершенно больным, так что сотрудники НКВД затруднились увозить его в арестантской машине – вызвали скорую помощь и отвезли в Таганскую тюрьму. Они решили его убить. Допрос был формальностью. 7 декабря Тройка НКВД постановила: митрополита Серафима – расстрелять.

Всего в тот день Тройкой НКВД по Московской области было приговорено к расстрелу несколько десятков человек. Приговоренных разделили на несколько партий. В первый день, 9 декабря, расстреляли пять человек, на следующий день – сорок одного человека, на другой день еще пять человек и среди них митрополита Серафима. Расстреливали неподалеку от деревни Бутово рядом с Москвой в просторной тогда дубовой роще, которую оградили со всех сторон глухим забором¹⁹. На дубах были устроены смотровые площадки, откуда охрана зоны присматривала, чтобы во время расстрелов и потом при захоронении сюда не приближались посторонние. Расстреливала бригада палачей, иногда приезжало расстреливать начальство.

Незадолго до ареста митрополит Серафим говорил: «Православная Церковь сейчас переживает время испытаний. Кто останется сейчас верен Святой Апостольской Церкви – тот спасен будет. Многие сейчас из-за преследований отходят от Церкви, другие даже предают ее. Но из истории хорошо известно, что и раньше были гонения, но все они окончились торжеством христианства. Так будет и с этим гонением. Оно окончится, и православие снова восторжествует. Сейчас многие страдают за веру, но это – золото очищается в духовном горниле испытаний. После этого будет столько священномучеников, пострадавших за веру Христову, сколько непомнит вся история христианства».

После ареста митрополита Серафима остались две его келейницы, монахини Вера и Севастиана. Монахиню Веру арестовали через несколько дней после ареста митрополита. Монахиня Севастиана не захотела ее оставить и последовала за ней добровольно. Обе были приговорены к заключению в лагерь. Мать Севастиана там умерла, а мать Вера вернулась через пять лет по окончании срока заключения и умерла в 1961 году у своих родственников в Вятской области.

Игумен Дамаскин (Орловский)

«Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Книга 2». Тверь. 2001. С. 423–450

Примечания

1 Чичагов Павел Васильевич (1765-1849), адмирал, морской министр, член Государственного Совета, с 1811 года главнокомандующий Черноморским флотом, а также Дунайской армией в Бессарабии, Молдавии и Валахии. По заключении Бухарестского мира наместник Бессарабии и генерал-губернатор, автор трудов по бессарабской истории в первые годы по присоединении этой области к России. С 1814 года и до своей кончины жил за границей.

2 Не путать с известной блаженной Пашей Саровской, скончавшейся в 1915 году.

3 Записки об о. Иоанне Кронштадтском и об оптинских старцах. Издание православно-миссионерского книгоиздательства, г. Белая Церковь, королевство С.Х.С., 1929.

4 Имеются в виду обновленцы, с помощью которых ГПУ рассчитывало разрушить Российскую Православную Церковь.

5 Ныне Ивановская область.

6 Епископ Гермоген (Долганёв) – замучен безбожниками 16(29) июня 1918 года.

7 Впоследствии он стал священником. Скончался 15 декабря 1987 года в Плюхтицком женском монастыре, где жил последние годы на покое.

8 Ныне образ находится в московском храме пророка Илии в Обыденском переулке.

9 В Бутово расстрелы и захоронения стали производиться с конца 1936 года. До этого расстрелянных хоронили на свободных участках кладбищ Москвы. Поначалу в Бутово был обустроен «стрелковый полигон», чтобы приучить население окрестных деревень к выстрелам. Устройством мест расстрела занимался исполняющий обязанности коменданта У НКВД по Московской области Садовский А.В. Руководили расстрелами начальник УРКМ Семенов М.И. и начальник АХО НКВД по Московской области Берг И.Д. Расстрелы производились специальной группой, в которую входили исполнявший обязанности начальника по охране зоны «Бутово» Шинин С.А., а также Чесноков Ф.Я. и Ильин И. Приговоренных привозили автозаками, иногда по сорок-пятьдесят человек в машине. Всего в день привозили по триста-четыреста человек. Захоронения производились во рвах длиной около пяти сот метров каждый. Небольшие группы расстрелянных хоронили в ямах. После расстрела охранники зоны убирали трупы и засыпали рвы /Архив УКГБ по Москве и Московской обл. Арх. № П-67528. Л. 2-5, 283-285, Архив УКГБ по Омской обл. Арх. № 271080/.